

АЛЕКСЕЙ ПОСТНИКОВ

СХВАТКА НА «КРЫШЕ
МИРА». ПОЛИТИКИ,
РАЗВЕДЧИКИ,
ГЕОГРАФЫ В БОРЬБЕ
ЗА ПАМИР В XIX ВЕКЕ

GeoПолитика

Алексей Постников

**Схватка на «Крыше мира».
Политики, разведчики, географы
в борьбе за Памир в XIX веке**

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94
ББК 63.3(0)5-6

Постников А. В.

Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке / А. В. Постников — «ВЕЧЕ», 2026 — (GeoПолитика)

ISBN 978-5-4484-5829-3

В книге рассказывается об одном из важнейших эпизодов так называемой «Большой игры» – борьбы за господство и влияние в Центральной Азии, которую на протяжении большей части XIX века вели между собой Российская и Британская империи. Наряду с авторским текстом в ней широко представлены документы того времени: отчеты, карты, письма и дневники участников экспедиций и политических деятелей. В качестве иллюстраций использованы фотографии из архива Русского географического общества.

УДК 94
ББК 63.3(0)5-6

ISBN 978-5-4484-5829-3

© Постников А. В., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Предисловие	6
Историография и источники[17]. Краткий обзор	19
Глава 1	29
Современные представления о природе и населении Памира	29
Географические исследования и начало формирования границ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Постников Алексей Владимирович
Схватка на «Крыше мира»
Политики, разведчики, географы
в борьбе за Памир в XIX веке

© Постников А.В., 2026

© ООО «Издательство „Вече“», 2026

Предисловие

Эта книга впервые дает возможность российскому читателю во всей полноте познакомиться с историческим сюжетом, известным в зарубежной литературе под названием «Большая игра». На протяжении второй половины XIX столетия на гигантских просторах Евразии в весьма драматичной форме разыгрывалось соперничество двух величайших империй – Российской и Британской. Главным призом в этой «игре» была отнюдь не «жемчужина британской короны» – Индия, как утверждали многие английские авторы, а возможность контроля над обширнейшими рынками сбыта и источниками сырья в глубинных районах Евразийского континента. В эту «игру» в качестве объектов были вовлечены все страны Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии, Дальнего Востока – от Аравийского полуострова до Японских островов. Памир в силу своей географической неизученности и политической незащищенности оказался местом, где сфокусировались все противоречия держав, здесь и разыгралась «Схватка на „Крыше мира“» – кульминационная стадия «Большой игры».

Почему этот сюжет из истории международных отношений вызывает интерес сегодня?

Около десяти лет тому назад американский политолог З. Бжезинский назвал центр Евразии, о котором идет речь в этой книге, «Евразийскими Балканами». В этот термин вкладывается вполне определенный смысл – здесь, мол, находится «пороховая бочка» Евразии, ее ключевой, взрывоопасный район, зона интересов многих держав, включая США¹.

Наставник в вопросах внешней политики для нынешнего президента США Дж. Буша-младшего² как бы попытался возратить мир на столетие назад, к временам «Большой игры» в Азии, заявив при этом, что знание исторических корней весьма существенно для выработки сегодняшних подходов к проблемам Центральной Азии.

Однако следует отметить, что нынешняя ситуация существенно отличается от той, что была на рубеже XIX и XX столетий. Ушли в прошлое обе соперничавшие империи – Российская и Британская. На международной арене произошли перегруппировка «игроков», существенное расширение субъектов действия, хотя объект приложения их усилий остался практически прежним. После дезинтеграции СССР на политической карте мира появилось значительное количество новых независимых государств, объединившихся в СНГ. Китай, Индия и Пакистан стали ядерными державами. Изменились и правила внешнеполитического поведения держав, которые должны теперь придерживаться устава ООН.

Если же мы взглянем на этот регион с точки зрения внешнеполитических интересов России, то окажется, что в последнее десятилетие XX века произошел фактический «откат» России из огромного района Восточной, Центральной и Средней Азии, Закавказья. Природа современных международных отношений не терпит политического вакуума. Между тем на 90-е гг. прошлого столетия выпал период становления новых азиатских соседей России. Их экономическое и политическое пространство стало объектом экспансии со стороны ряда азиатских государств (Китай, Турция, Иран, Япония) и особенно США. Это поставило перед российской дипломатией в более острой форме необходимость борьбы за отстаивание своих государственных и национальных интересов в этом регионе³.

Государственные интересы являются категорией исторической. Это означает, что они формируются и существуют в течение длительного периода деятельности государства и в то

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998. С. 149–180.

² Влияние З. Бжезинского на внешнеполитическую часть предвыборной платформы Дж. Буша-младшего было отмечено нами в статье «Мы и Китай – перспективы стратегического партнерства» (Свободная мысль. 2001. № 1. С. 37–46).

³ Мясников В.С. Россия и Восток: ретроспектива взаимосвязей. Восток – Запад. Историко-литературный альманах. М., 2002. С. 35–46.

же время преходящи с точки зрения исторической перспективы. Национальные интересы, их приоритетность определяются в современном мире на основе разумного национального эгоизма. Они тесным образом связаны с обеспечением реальных прав нации на политическую, территориальную, культурную, языковую свободу и самостоятельность, на равноправное сосуществование с другими нациями и народами⁴.

В настоящее время обе группы интересов тесно связаны с одним из острейших вопросов мировой политики – созданием нового «мирового порядка». Рассмотрение выдвинутых в этой области концепций показывает, что они отнюдь не являются чисто теоретическими, из тех, что всегда есть в запасе у любителей схоластики на международных конференциях. Проблема создания новой структуры международных отношений касается национальных интересов всех государств современного мира. В чем суть проблемы? Говоря об отношении к ней России, Китая и Индии, американский политолог Шерман Гарнетт раскрывает и основную линию противоречий: «Все три государства в большей или меньшей степени преисполнены подозрений к тому, что они наблюдают как мировой порядок, в котором доминируют США. Каждое из них предпочитает какую-то версию того, что в Российско-китайской декларации в апреле (27 апреля.– В.М.) 1997 года было названо „многополярный мир“. Они видят этот мир как тот, который даст больше простора их основным национальным интересам»⁵.

Действительно, Россия, Китай и Индия выступают за создание многополюсного мира – новой структуры международных отношений, реально складывающейся в связи с объективными условиями развития отдельных стран. Эта концепция поддерживается многими государствами на различных континентах, потому что она призвана создать оптимальные условия для реализации их национальных интересов, нацелена на то, чтобы обеспечить новые исторические условия, в которых будет жить человечество в предстоящем столетии. Обновляющаяся система мировых политических, экономических и культурных связей должна строиться на демократических началах, принципах Устава ООН, основных принципах международного права. При ее создании следует в полной мере учитывать ценностные ориентиры каждой из цивилизаций, региональные интересы, национальные интересы каждого из участников мирового сообщества.

Возможно ли построение полицентрической системы международных отношений? С точки зрения наиболее активных проводников в жизнь этой концепции – России и Китая – да. Оба государства исходят из того, что в конце XX века вслед за завершением «холодной войны» в международных отношениях произошли глубокие перемены. Исчезла конфронтационная биполярная система, ее сменила позитивная тенденция строительства полицентрического мира. Меняются взаимоотношения между крупными государствами, в том числе между бывшими противниками в «холодной войне». Все большее число стран приходит к общему пониманию того, что их национальные интересы должны обеспечиваться равенством и взаимной выгодой в международных делах, а не гегемонизмом и силовой политикой, диалогом и сотрудничеством, а не конфронтацией и конфликтами. В построении мирного, стабильного, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка все возрастающую роль играют региональные организации экономического сотрудничества. Широкое международное сотрудничество становится неременным условием для реализации национальных и государственных интересов.

Новые реалии создают возможности того, чтобы наконец в межгосударственных отношениях восторжествовали мирное сосуществование и другие общепризнанные принципы международного права, гарантирующие от посягательства на национальные интересы. Именно на таких принципах базируется подписанный 16 июля 2001 г. Президентом Российской Федера-

⁴ Шевцов В.С. Государственный суверенитет (вопросы теории). М., 1979. С. 167–168.

⁵ Garnett Sh. Influencing transition States: Russia, China and India. Carnegie Endowment for International Peace. Project on «Foreign and Security Policy Problems». Program on Asian Security. Washington DC, July 1998. P. 3.

ции В.В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэминем Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, Этот договор имеет важное историческое значение не только для отношений нашей страны с ее великим восточным соседом, но и для международных отношений наступившего XXI столетия в целом.

На чем же основывается такая характеристика этого «договора века», как назвал его Председатель КНР Цзян Цзэминь?

Во-первых, Московский договор восстановил международно-правовую, договорную основу российско-китайских отношений, которая существовала на протяжении трех с лишним веков.

Во-вторых, это восстановление произошло на качественно новой основе, в соответствии с принципами добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия между двумя государствами в XXI веке. В этом плане Московский договор не только подвел итог предыдущему десятилетию конструктивного развития добрососедских отношений России с Китаем, но и открыл новые пути их дальнейшего совершенствования и развития на длительную перспективу.

В-третьих, российско-китайские отношения давно уже во многом определяют общий климат международной жизни. И в данном случае договор заложил основы региональной стабильности в Восточной и Центральной Азии. И, наконец, это первый договорный акт такого масштаба в наступившем столетии. Подписав его, Россия и Китай внесли существенный вклад в построение складывающейся в наши дни новой системы международных отношений.

Договор носит системный, комплексный характер, он относится к той категории договоров, которые в прошлом назывались трактатами.

Московским договором определено, что Россия и Китай строят свои отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, принципами взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. Стороны отказываются в своих взаимоотношениях от применения силы или угрозы силой, от иных методов давления и подтверждают обязательства не применять первыми друг против друга ядерное оружие, а также не нацеливать стратегические ядерные ракеты. Эти обязательства звучат особенно весомо в новых условиях, когда США в одностороннем порядке вышли из договора по ПРО.

Уважая выбор социально-политического, экономического и культурного развития каждой из сторон, Россия и Китай обеспечивают долговременное и стабильное развитие отношений между двумя государствами. Таким образом, стороны освободили весь комплекс своих взаимосвязей от излишней идеологизированности, приводившей в прошлом к драматическим осложнениям. Ныне, основываясь на коренных национальных интересах, Россия и Китай поддерживают друг друга в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности каждой из сторон.

Исключительно важной является 6-я статья договора, согласно которой стороны, *с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение, и прилагают для этого активные усилия.*

Россия и Китай понимают, что самонадеянность силы в международных делах может привести к непоправимым последствиям. Поэтому они выступают за строгое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, против любых действий, направленных на оказание силового давления или на вмешательство под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств, намерены прилагать активные усилия для укрепления международного мира, стабильности, развития и сотрудничества. Большое значение

имеет развивающая положения договора инициатива президента В.В. Путина о создании в Евразии «дуги стабильности».

Исходя из этой принципиальной позиции, оба государства взяли на себя обязательства предпринять усилия *по укреплению центральной роли ООН как наиболее авторитетной и наиболее универсальной международной организации, образованной суверенными государствами, в решении международных дел, особенно... по обеспечению главной ответственности Совета Безопасности ООН в области поддержания международного мира и безопасности.*

Подлинная демократизация международной жизни заключается в признании того, что партнер по международным отношениям должен восприниматься таким, каков он есть, что каждое государство имеет право, исходя из своих конкретных условий, самостоятельно выбирать путь развития без вмешательства со стороны других государств. При этом различия в социальном строе, идеологиях, системах ценностей не должны становиться препятствием для развития нормальных межгосударственных отношений. Все страны, будь они большие или малые, богатые или бедные, являются равноправными членами международного сообщества. Ни одна страна не должна стремиться к гегемонии проводить политику с позиции силы и монополизировать международные дела.

Новый международный порядок не должен навязываться принудительно, силой. Да и вообще, чтобы утвердить новую, всеобъемлющую концепцию безопасности, необходимо покончить с менталитетом «холодной войны», реминисценциями блоковой политики.

В ст. 20-й Московского договора подчеркивается, что *Договаривающиеся стороны в соответствии со своим национальным законодательством и международными обязательствами каждой из них активно сотрудничают в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью.* Безусловно, борьба с международным терроризмом должна вестись самым решительным образом. Но следует заметить, что, как свидетельствует исторический опыт, «охота на ведьм» не может быть основой религии. Так же и «охота на международных террористов» не может быть основой современных международных отношений. Для нормального взаимодействия государств на международной арене основа их деятельности должна быть здоровой, позитивной и конструктивной.

Россия и Китай согласовывают свои планы по реализации таких крупнейших проектов XXI века, как развитие Западного Китая, создание международных транспортных коридоров Восток – Запад и Север – Юг, строительство трубопроводов для передачи углеводородного сырья из России в Китай, создание Евразийского трансконтинентального экономического моста. Все эти проекты непосредственно касаются центрального района Евразии.

События 11 сентября 2001 г. в США заметно повлияли на ход международных дел. Россия, Китай и Индия стали активными участниками антитеррористической коалиции и поддержали военную акцию США против движения Талибан в Афганистане. Поддержка эта выразилась и в том, что военно-транспортной авиации США были предоставлены аэродромы базирования в азиатских государствах СНГ. Впервые в истории американские военно-воздушные силы оказались в непосредственной близости от стратегических тылов России и Китая.

В интересах поддержания стабильности в центре Евразии Россия и Китай давно уже осуществляют стратегическое партнерство со странами Центральной Азии – бывшими республиками СССР. В апреле 1996 г. Россия, Китай, Казахстан, Киргизстан и Таджикистан подписали в Шанхае Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. Так было положено начало деятельности пяти держав, получивших название «Шанхайская пятерка». Еще более масштабное Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе бывшей советско-китайской границы страны пятерки подписали в Москве в 1997 г. Встречи лидеров этих государств в Алма-Ате в 1998 г. и Бишкеке в 1999 г. показали, что взаимодействие

этих держав может быть весьма перспективным. В области политики оно служит для поддержания стабильности и сдерживания агрессивного напора исламских экстремистов и террористов в Центральной Азии, а в экономике укрепляет торгово-экономическое сотрудничество.

15 июня 2001 г. в Шанхае в отеле «Шангри-ла» в состав Шанхайской пятёрки был принят Узбекистан, и она превратилась в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Тогда же было принято решение о создании антитеррористической структуры ШОС в Бишкеке. Наконец, в июле 2002 г. на саммите глав государств ШОС в Петербурге были приняты Декларация ШОС и Хартия (играющая роль Устава) этой организации.

Интерес к взаимодействию с ШОС проявляют Монголия и Индия, Иран и Пакистан, даже США выразили заинтересованность во взаимодействии с этой организацией. По мнению президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, ШОС должна стать органом доверия и партнёрства для входящих в нее стран, и ключевую роль в этом должны играть Россия, Китай и Индия. При подписании основополагающих документов ШОС в Петербурге В.В. Путин отметил, что требования к новым членам ШОС содержатся в уставных документах и новым членом может стать любая страна, которая разделяет принципы, изложенные в Хартии⁶. При этом глава российского государства отметил, что Индия *зондирует возможность более основательного знакомства с деятельностью ШОС* через Министерство иностранных дел. Как отметил министр иностранных дел Индии г-н Яшвант Синха, «Индия считает, что ШОС выполняет важные задачи, в особенности в области борьбы с угрозой терроризма. Индия заинтересована во вступлении в ШОС и заявила о своих намерениях России, а также другим государствам – членам организации. Наше членство в ШОС не зависит от того, собирается или нет какое-либо другое государство вступить в эту структуру. Мы считаем, что Индия может внести существенный вклад в работу ШОС. Но мы также осознаем, что в настоящий момент правила членства в организации не позволяют новым государствам вступить в нее. Тем не менее мы внимательно следим за ее деятельностью»⁷.

Лидеры ШОС учитывают, что на арене бывшей «Большой игры» произошло замещение Британской империи североамериканской сверхдержавой. Для США позиция в отношении России, азиатских членов СНГ, КНР является составной частью их общего курса на глобальное доминирование. Об этом откровенно говорят не только разработчики внешнеполитической стратегии вроде З. Бжезинского, но и те, кто принимает решения – администрация и конгрессмены.

Важнейшей стратегической целью правящих кругов заокеанской державы на евразийском пространстве является недопущение роста сил, которые могли бы составить конкуренцию американскому господству и поэтому интерпретируются как «враждебные США». Такой силой был Советский Союз. Ныне угрожающими интересам США рассматриваются интеграционные процессы на постсоветском пространстве, а также непредсказуемость политики Китая в случае, если он не будет вовлечен в ту модель международных отношений, которую стремятся создать США. Обозначение З. Бжезинским Центральной Азии и Кавказа как «Евразийских Балкан», вероятно, было необходимо, чтобы приучить американскую общественность к мысли, что в мире есть еще одни Балканы, где США и НАТО могут действовать по уже отработанному «балканскому сценарию».

За этими дефинициями просматривается экономическая стратегия, которая нацелена на расширение доступа США к ресурсам России и стран СНГ. Эта стратегия была озвучена еще в июле 1997 г. в ходе слушаний в Комитете по иностранным делам американского сената, посвященных политике Вашингтона в отношении «восьми новых независимых государств Закавказья и Средней Азии» – Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркмении,

⁶ Документы ШОС см.: Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 4.

⁷ Время новостей, 19 февраля 2003 г. С. 5.

Киргизии и Таджикистана. Главный вывод, к которому пришли участники обсуждения: упомянутые республики становятся сферой приоритетных интересов США. Это было обусловлено прежде всего богатейшими нефтяными и газовыми месторождениями Каспийского моря, сопоставимыми с природными ресурсами Персидского залива. Главными конкурентами для себя США считают здесь Россию и Иран, а в числе потенциального союзника или орудия своей политики видят Турцию. Так что «балканский сценарий» Вашингтон в случае необходимости может заменить здесь и «иракским сценарием».

Однако сами государства, которые США пытаются превратить в объекты своей политики, не желают мириться с отводимой им ролью. Помимо активного участия в ШОС, они выступают с широкими инициативами, которые должны формировать систему международных отношений в XXI веке как полицентрическую, нацеленную на экономические преобразования в условиях мира. Например, президент Республики Киргизстан А. Акаев обнародовал весной 1999 г. манифест, озаглавленный «Дипломатия Шелкового пути». В этом документе отмечается:

«Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, прекращение гонки вооружений и конверсия военного производства, создание условий для устойчивого развития всех стран Великого шелкового пути без исключения позволяют рассчитывать на то, что в начале третьего тысячелетия регион Пути, имеющий колоссальный потенциал и ресурсы, превратится в один из наиболее процветающих и благополучных в мире, поскольку будут сообща решены проблемы, затрагивающие интересы всех стран, и устранены все препятствия на пути свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и рабочей силы в масштабах всего Пути.

Имеются достаточные основания полагать, что все страны Великого шелкового пути приложат максимум усилий к тому, чтобы в новом тысячелетии из региона Пути, представляющего собой обширное пространство, которое пересекает с Востока на Запад весь Евразийский материк и объединяет все многообразие культур, традиций и исторических судеб, исходили только позитивные импульсы созидания, мира, прогресса и процветания»⁸.

Этот подход разделяется рядом государств Азии и Европы, заинтересованных в грандиозном проекте XXI века – создании «Трансконтинентального экономического моста». В Китае, например, этот проект принят в качестве государственной программы. Речь идет о том, чтобы создать на просторах Евразии на основе новейших технологий сеть скоростных коммуникаций, объединить тем самым народы Азии и Европы в новый тип союза ради развития. Непосредственной целью такого союза является создание совместными усилиями целостной сверхсовременной инфраструктуры для транспорта, энергетики и средств связи, простирающейся от Тихоокеанского побережья до Атлантики. Таким образом, была бы обеспечена основа для быстрого экономического развития всего евразийского массива в XXI столетии.

Комплексно оценивая перспективы этого проекта, эксперты отмечают: «После геополитических манипуляций, разобщенности и конфликтов, пережив „Великую игру“ колониальных держав и эпоху „холодной войны“, народы величайшего континента наконец приблизили возможность преодолеть хроническую недоразвитость „внутренних районов“ Евразии с помощью новейших технологий. Впервые Евразия как нечто целостное придет к вполне четкой экономической реальности, композицию которой составят суверенные нации, интенсивно сотрудничающие друг с другом»⁹.

Но вернемся непосредственно к исторической основе анализируемых в данной книге событий. Первым историком «Большой игры» и «Схватки на Крыше мира» был видный советский дипломат и государственный деятель Георгий Васильевич Чичерин. Через два года после окончания историко-филологического факультета Петербургского университета, вернувшись

⁸ Акаев А. Дипломатия Шелкового пути. Бишкек, 1999. С. 1–3.

⁹ Мясников В.С. Континентальный мост – проект XXI века. Металлы Евразии. Национальное обозрение. 1997. № 3. С. 9.

из Европы, Г.В. Чичерин начал в 1897 г. службу в Архиве Министерства иностранных дел России. Здесь он специально занимался русской политикой в Азии в царствование Александра II (1855–1881) и подготовил по этой теме на основе изученных им документов раздел в юбилейном издании, посвященном 100-летию министерства. Позже в написанной в 1919 г. статье «Россия и азиатские народы» нарком иностранных дел в обобщенном виде коснулся интересующего нас сюжета, опираясь на материалы и выводы своей предыдущей работы. Жанр представляемой читателю книги – монография в документах – позволяет нам привести полностью этот отрывок из статьи Г.В. Чичерина:

«Наиболее активной была политика Александра II в Средней Азии, где в ней следует различать два периода. Продвижение первого периода, шедшее старыми путями от прежних кордонных линий, оренбургской и сибирской, завершилось взятием Ташкента, Ходжента и Самарканда, после чего второй период, открывший совершенно новые пути наступления, начинается занятием Красноводска в 1869 г. В это время происходили в Петербурге переговоры с англичанином Форсайтом, имевшие целью успокоить подозрительность английского правительства и дать возможность русскому правительству воспользоваться новыми путями наступления в Средней Азии, не наталкиваясь на крайние меры сопротивления со стороны Англии. Хотя в достаточной мере неопределенное и свидетельствовавшее о плохом знании географии соглашение 1873 г. с „малоанглийским“ министерством Гладстона развязало руки царизму в Туркестане, и хотя долго со страниц английской печати не сходила Хива, как позднее Фергана, а в наступлении царизма в этой области английскими политиками усматривалась страшнейшая опасность, тем не менее, продвигаясь вовремя и останавливаясь вовремя, политике царизма удалось в 70-х и 80-х годах завершить округление своих среднеазиатских владений, избегнув столкновения с Англией. Когда английский вассал на афганском престоле Шир-Али попытался освободиться от невыносимой зависимости, царизм сделал попытку оказания ему поддержки, но у русского правительства руки были еще коротки, и после бесполезной агитации на тему о величии белого царя оно могло в конце концов лишь предоставить убежище свергнутому с престола и изгнанному англичанами из Афганистана Шир-Али.

Когда наконец после знаменитых скобелевских завоеваний в Средней Азии царские отряды дошли в 1885г. до Кушки и, как казалось Англии, грозили „ключу Индии“ Герату, там впервые в Средней Азии два мировых соперника, Россия и Англия, столкнулись лицом к лицу в сражении, где не только афганские, но и английские военные, забравшиеся в Пендэ, были обращены в бегство превосходными силами генерала Комарова. Вопрос о мире и войне висел на волоске, и потребовалось все искусство традиционной дипломатии, умевшей в потоке слов притуплять политические обострения и отсрочивать столкновения, в лице одного из последних виртуозов этого традиционного искусства русского посла в Лондоне Сталя, чтобы превратить вопрос о войне между Россией и Англией в чисто канцелярский вопрос об афганском разграничении, переданный технической разграничительной комиссии на местах. Завоевание Средней Азии было доведено до конца. Афганистан на время остался брошенным Англии куском, передовым укреплением ее Индии, и мировые соперники в этой местности размежевались. Последовали другие столкновения – на „Крыше мира“, Памирском плоскогорье, где русские полковники уже овладели вершинами Гиндукуша и долинами, открывавшими доступ в страны, которые входили в состав Индостанской географической системы. Английские полковники проникли на ту же „Крышу мира“, где встретились со своими русскими соперниками, и столкновения между Выгхазбандом [так в тексте. – В.М.] и другими военными английскими авантюристами и их русскими собратьями опять-таки поставили на очередь вопрос о войне и мире между мировыми соперниками. В момент похорон Александра III ловкому принцу Валлийскому удалось обмануть наивного Николая II, и уже бывший в русских руках горный хребет, открывавший доступ в Индию, был передан вассалу Англии Афганистану, составив для нее новое и твердое укрепление. „Мы отброшены на тридцать лет назад“, – говорили в азиатском

департаменте. Памирское соглашение 1895г. завершило собою размежевание соперничавших колоссов в Средней Азии, и раздел между ними этой части Азиатского материка подготовил почву для нового периода англо-русских отношений, для англо-русского союза. Десятилетие дальневосточных авантур Николая II, окончившееся известной катастрофой, лишь отсрочило наступление этого нового периода»¹⁰.

В истории «Большой игры» перед читателем проходит целая вереница лиц – деятелей британской администрации в Индии, участников исследовательских походов в глубинные районы Евразии, описавших и картографировавших их. Что вело их порой с риском для жизни в эти края? Конечно, не последнюю роль играл свойственный человеку интерес ко всему новому. Романтика путешествий, приключений, открытие новых стран и земель – все то, что вдохновило известного поэта и писателя Н. Тихонова на замечательную повесть «Вамбери». Но была и другая черта, о которой очень ярко сказал Г.В. Чичерин, как мы уже говорили, весьма детально изучивший особенности «Большой игры» в Азии. В опубликованной 5 сентября 1924 г. в «Правде» под псевдонимом Михаил Шаронов статье «Новые этапы мировых антагонизмов» Георгий Васильевич тонко проанализировал особенности британской дипломатической службы. Обратимся к его компетентному мнению еще раз:

«Главная сила английской дипломатии всегда заключалась не в тех декоративных фигурах, которые сидят в роскошных помещениях посольств и миссий и умеют ослеплять окружающих блеском своих должностей и престижем представляемой ими империи. Эти эффектные фигуры в значительной мере выполняют то, что им предписывается окружающими. Сила английской дипломатии в ее многочисленных агентах, в особенности в тех преисполненных предприимчивости, ловкости и авантюристского духа полковниках, которые в Аравии руководят враждующими царьками и князьками, в Персии двигают остальными племенами против центрального правительства, играют курдскими феодалами то против Персии, то против Турции, подстрекают одни азиатские племена против других, а также племена против центрального правительства, наводят своими шпионами и другими агентами нашу Среднюю Азию, искусственно поддерживают и подталкивают бухарскую контрреволюцию, пробираются в глубину Тибета и на Дальний Восток, поднимают против китайского национального движения компрадорскую буржуазию, то есть та которая наживается на торговом посредничестве между великими державами и Китаем»¹¹.

Наконец, была ли действительно у России цель пробить через Памир и Гималаи «врата в Индию»? Думается, что объективнее многих британских дипломатов и путешественников к этому вопросу подошел Х.У. Белью – врач, участник посольства Д. Форсайта в Кашгарию в 1873–1874 гг. Он размышлял в своем дневнике, который вел во время поездки в Западный край Цинской империи:

«Вопрос этот имеет весьма большое значение для нас в Индии, к югу от этих великих преград, благодаря связанным с ним материальным интересам, в особенности при виде постоянно разрастающегося господства России на обширном пространстве к северу от этих преград. Успехи России в степях, лежащих к северу от гор, служат как бы повторением наших успехов не в особенно давнее время на полуострове к югу от них. Сила, бывшая нашим правом, – мы не должны забывать этого, – относительно арианских народов на юге является точно таким же правом у России относительно татарских народов на севере. Она, в свою очередь, приносит родственным племенам благо цивилизации взамен ужасов варварства и, подобно нам, имеет целью благосостояние, спокойствие и свободу своих подданных согласно со своими установленными формами правления. Единственная разница состоит в том, что Британия на юге уже

¹⁰ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 93–95.

¹¹ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 292.

совершила свои победы и достигла полной силы вследствие долгого господства, между тем как Россия на севере еще растет и не вполне созрела.

Подобно тому, как Сетледж и Инд не могли послужить нам границей на равнинах Индии, так точно нельзя рассчитывать, чтобы большие реки татарских степей послужили границей для России на равнинах Центральной Азии. Как мы на юге должны были двигаться вперед до гор и иметь верховное влияние на князей по сю сторону великого водораздела материка Азии, этого великого рубежа между ее северными и южными странами и нациями, так точно и русских должна двигать та же сила, пока они не займут подобного же положения с северной стороны»¹².

Читателя, интересующегося историей географических открытий в районе Памира, начиная с древности, мы отсылаем к коллективному труду группы отечественных географов «История открытия и исследования Советской Азии»¹³. Здесь представлены свидетельства о «Крыше мира» в европейских (от Плиния и Страбона) и китайских (от путешествия Чжан Цзяня во Пв. до н.э.) источниках. Но при всей академической обстоятельности этого поистине энциклопедического труда, выполненного под руководством Э.М. Мурзаева, два эпизода выпали из поля зрения исследователей. Первый из них – это история с приобретением в Берлине членами китайского посольства во главе с Цзэн Цицзэ, направлявшегося в Петербург для переговоров о заключении российско-китайского пограничного договора, секретной русской карты центрально-азиатских границ России¹⁴.

Второй – экспедиция в Китай К.Г. Маннергейма, который в составе драгунского Нежинского полка отличился еще в Русско-японскую войну на полях Маньчжурии, за что был отмечен орденами Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 2 ст. с мечами и бантом и награжден 29 ноября 1905г. чином полковника. В этом чине он и был *с высочайшего соизволения командирован в Китай на два года с негласной целью с 13 июля 1906г. по 26 сентября 1908г.*¹⁵ Дневники этой русской экспедиции в Синыцзян еще ждут своего исследователя.

Возвращаясь к сегодняшней внешней политике России, следует заметить, что важной стратегической целью в центре Евразии является создание и сохранение благоприятных международных условий для успешного претворения в жизнь намеченных реформ. В этом совпадение главных национальных интересов России, Китая и Индии, умноженное на давние традиции дружественных связей в области экономики, культуры, науки и техники. Это и обеспечивает реальную возможность взаимодействия трех великих евразийских держав. Но для реализации этого взаимодействия одной такой возможности недостаточно. Почему? Потому, что такое взаимодействие может происходить только в определенной международной среде, которую нам необходимо создавать и за которую придется бороться. В той среде, которая складывается под воздействием других держав, кроме благоприятных факторов, действует значительное число таких, которые способны осложнить и даже сорвать наше взаимодействие. Причем эти факторы не зависят от двусторонних отношений наших стран друг с другом. Попытаемся систематизировать главные из этих неблагоприятных факторов, оценить их реальную опасность для достижения наших общих стратегических целей.

¹² Белью [Х. У.] Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873–1874 гг. СПб., 1877. С. 305.

¹³ Азатьян А.А., Белов М.И. и др. История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969. С. 88, 91, 106–107, 136–137, 149, 151–159, 169–171, 176–177, 180–195.

¹⁴ Цзэн Пу. Цветы в море зла. Исторический роман. Пер. с кит. В. Семанова. М., 1960. С. 162. Британская дипломатия активно помогала китайскому послу. Его сопровождал Х. Маккартней, имя которого не раз встречается и в данной книге, а в Петербурге к миссии маркиза Цзэна сразу же подключилось английское посольство во главе с послом Ф. Даффеином, по указанию которого первый секретарь посольства Д. Планкетт оказывал китайской делегации непосредственную помощь. См.: Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995. С.156–157.

¹⁵ ЦГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. № 178522. Л. 10.

Первая группа факторов касается международной безопасности, ее старых и новых аспектов. Все стратегические угрозы или, по-иному, неблагоприятные для нас факторы кроются в изменившемся состоянии международной безопасности. Тенденции, приведшие к ее резкому изменению, накапливались исподволь. Главными задачами старой структуры безопасности (в 60–80-е гг. XX столетия) были:

- избежать ядерной войны на уровне двух сверхдержав;
- не допустить перерастания локальных конфликтов и войн во всеобщий холокост;
- остановить распространение ядерного оружия;
- решить экологические проблемы планеты;
- избежать демографического взрыва.

После расчленения Советского Союза ускорилось развитие некоторых старых тенденций в структуре международной безопасности, а также появились новые:

сокращение ядерных вооружений и средств доставки пока еще не гарантирует от возникновения ядерной войны;

распространения ядерного оружия избежать не удалось, теперь проблема сводится к недопущению овладения этим оружием не столько государствами, сколько отдельными террористическими организациями и группами;

экологические проблемы нарастают как в связи с отказом США подписать Киотоский протокол, так и в связи с глобальным изменением климата и увеличением техногенных катастроф;

демографические проблемы будут нарастать, очевидно, до середины XXI столетия, которая определена как конечный рубеж демографического перехода (т. е. глобального саморегулирующегося демографического процесса);

взамен биполярной структуры мира в целом и международной безопасности в частности формируется многополярная структура того и другого, причем ее формирование идет в борьбе с тенденцией к однополярному миру во главе с США, что позволяет говорить о новой роли США на мировой арене;

наблюдаются попытки в решении международных проблем поставить внутреннее законодательство выше норм Устава ООН;

создание ЕС и роль объединенной Европы несет в себе как положительный, так и отрицательный потенциал для новой системы международных отношений;

Китай и Индия вышли на позиции крупнейших мировых держав, и их роль будет возрастать;

финансовый кризис 1997–1998 гг. продемонстрировал, что экономическая безопасность государств не менее важна, чем военно-политическая;

резко возрастает роль такого фактора мирового развития, как исламская революция;

наконец, появились такие факторы, как международный терроризм, международный наркобизнес, коррупция и криминализация многих сфер человеческой деятельности, которые позволяют говорить о процессе криминальной глобализации;

завершить этот перечень факторов можно, на мой взгляд, появлением в мире широкого антиглобалистского движения.

Вторая группа факторов относится к борьбе в ООН и за ООН. ООН создавалась как коллективный гарант международной безопасности. Широко распространенное мнение, что ООН несколько устарела и отстает от бурно развивающихся международных отношений, в общем, в чем-то справедливо. Оно еще более укрепляется в связи с тем, что ООН потерпела за последние годы несколько существенных поражений. Я имею в виду Югославский кризис 1999 г., когда НАТО было поставлено выше ООН; 2001 г., объявленный ООН Годом диалогов цивилизаций и закончившийся событиями 11 сентября в США; резолюцию Конгресса США, разрешающую президенту этой страны действовать в Ираке по своему усмотрению, игнорируя резо-

люции и инспекции ООН. Сегодня на вопрос: «Кто заинтересован в ООН?» – можно услышать ответ: «Да, пожалуй, только Тайвань, который стремится туда вернуться». Но хоронить ООН рано.

Ослабление роли ООН связано не только с участвовавшим игнорированием ее со стороны США и НАТО, но и с рядом объективных факторов.

Во-первых, в дополнение к пяти лидерам ООН, основателям ООН и постоянным членам Совета Безопасности, на мировой арене и, соответственно, в ООН появилась группа государств, роль которых в международных делах, безусловно, велика. Это Индия, Япония, Бразилия, Германия, Канада. Они претендуют на усиление их позиций в ООН. Вопрос о реорганизации структуры ООН стоит в повестке дня уже несколько лет, но консенсус по нему пока еще далек от достижения.

Во-вторых, возник ряд новых межгосударственных образований (Евросоюз) и международных региональных организаций, например АТЭС, и специально ориентированных – ОПЕК, ВТО. Проведение регулярных встреч ответственных государственных деятелей в рамках этих организаций снимает необходимость вынесения ряда проблем в ООН.

Думается, что наряду с реорганизацией структуры ООН поднятию авторитета этой организации как единственного всемирного форума по проблемам международной безопасности могли бы способствовать такие меры, как:

- проведение саммита Большой восьмерки в ООН: восьмерка не должна отгораживаться от остального мира при решении глобальных вопросов, этим она ставит себя в конфронтацию как со многими государствами, так и со многими движениями;

- продолжение Года диалога цивилизаций и проведение для этого саммита Азия – Европа в ООН, а также саммита Исламская конференция; конференции «Ислам и Европа»;

- проведение в рамках ООН таких саммитов, как АТЭС, встречи лидеров ОПЕК;

- проведение специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной объединению всех сил в борьбе с международным терроризмом.

ООН могла бы обеспечить большую прозрачность для мировой общественности всех вышеперечисленных саммитов и тем самым создать на планете большую атмосферу доверия. В том, чтобы ООН стала вновь эффективным инструментом мира в руках мирового сообщества, наши страны, может быть, заинтересованы более других. Это одна из позиций, по которой мы могли бы прилагать скоординированные усилия.

Третью группу упомянутых факторов составляют экономические аспекты международной безопасности. В наступившем столетии в новой системе международных отношений экономическая компонента резко возросла. Три момента определяют этот рост. Во-первых, объективно развивающийся процесс глобализации, во-вторых, истощение мировых ресурсов энергоносителей, в-третьих, глобальные экологические проблемы, такие как нехватка пресной воды и истощение плодородности почв.

Но наряду с этими достаточно очевидными факторами есть и такие, которые скрыты от широкой общественности, но при этом могут играть роль взрывных устройств, способных обрушить все мирохозяйственные связи. Я имею в виду состояние мировых финансов.

Наиболее полно и четко ситуация обрисована в Резолюции Национального парламента Италии от 25 сентября 2002г., посвященной наделению правительства мандатом на принятие мер по выводу из кризиса Аргентины. Парламент исходил из признания того факта, *что эскалация банковского и финансового кризиса, начиная с кризисов 1997г. в Азии, России и Латинской Америке, вплоть до недавнего краха «новой экономики» в Соединенных Штатах, до масштабированного и продолжающегося банковского обвала в Японии, до банкротства Аргентины, не может не вызвать озабоченности населения всех стран, правящих классов, предприятий, инвесторов и вкладчиков, поскольку представляет собой не череду случайных событий, а скорее проявление кризиса всей [мировой] финансовой системы, характеризующейся зияющим*

разрывом между объемом спекулятивного капитала в 400 триллионов долларов (из которых 140 триллионов приходятся на Соединенные Штаты) и размерами мирового валового продукта всего в 40 триллионов долларов.

Вот это и есть мина замедленного действия, находящаяся внутри международной финансовой системы. Авторы этой парламентской резолюции, принятой по первому разделу (который я цитировал) 385 голосами из 385, по второму разделу (о стратегическом партнерстве с Аргентиной) – 399 из 400 (один воздержался), по третьему (о взаимодействии с Евросоюзом) – 219 из 228, как заявил депутат Джованни Бьянки, считают необходимым созыв новой международной конференции по типу Бреттон-Вудской, чтобы приспособить деятельность МВФ и МБРР к новым условиям. Очевидный смысл такой конференции – избавить европейские страны от долларовой зависимости в связи с введением евро, попытаться добиться для евро такой же международной паритетности, которая была создана доллару в Бреттон-Вудсе. Спасет ли это мир от «вампирского капитала», как иногда называют этот постоянно возрастающий спекулятивный капитал, способный нанести ущерб экономикам не только отдельных стран, но и целых регионов, покажет ближайшее будущее. А пока всем странам нужно быть готовыми к его внезапной болезненной атаке.

Думается, что такая подготовка могла бы быть одной из сфер взаимодействия между Россией, Китаем и Индией в рамках стратегического партнерства.

Размышляя о наших национальных интересах, мы не можем не обратить внимания на новую роль США в мире.

Сегодня основой стратегии США на международной арене является стремление построить односистемный мир, который фактически стал бы и однополярным. Односистемность в данном случае означает установление за пределами США таких режимов, которые отвечали бы интересам национальной безопасности самой мощной военной державы мира. Старый лозунг – «Кто не с нами, тот против нас» – трансформирован теперь в понятие «ось зла».

Некоторые эксперты (в частности, из Шиллеровского института, Висбаден, Германия) говорят о том, что США перешли к построению империи по типу Древнего Рима. Это означает разделение мира на две части – метрополию и периферию. Чтобы поддерживать свое господство, метрополия поддерживает на периферии состояние нестабильности, мешающее усилению последней в целом или усилению отдельных государств на ее территории. По тем странам, которые в силу тех или иных причин вызывают какое-либо опасение со стороны метрополии, ее вооруженные силы будут наносить превентивные удары. Такого рода военная доктрина США была выработана еще в начале 90-х гг. прошлого века, сразу же после расчленения СССР. Теперь активными реализаторами доктрины, влияющими в этом направлении на президента Дж. Буша, считаются Д. Рамсфелд, Р. Чейни и Вулфовиц.

Вместе с тем следует учитывать, что эксперты Брукингского института (Вашингтон), например, считают, что после 11 сентября 2001г. началась «эра пост-постхолодной войны», в которой определяющую роль должен играть «концерт держав», борющихся с терроризмом. Какой будет структура новой системы международных отношений, по их мнению, пока недостаточно ясно, но вряд ли это будет однополярная структура, которая соответствовала бы периоду после «холодной войны». Однако мир не увидит в скором будущем и «всемирного правительства» в лице, скажем, такой международной организации, как ООН¹⁶.

Очевидно, что, по крайней мере, на экспертном уровне в США наметился отход от концепции однополярного мира.

С точки зрения национальных интересов трех наших стран наиболее приемлемой являлась бы политика США, направленная на стабилизацию международной безопасности. Исходной точкой такой позиции должны были бы быть не узкоэгоистические интересы какой-либо

¹⁶ Brookings Northeast Asia Survey 2001–2002. Washington DC, 2002. P. 4.

группы в американских правящих кругах, а реальная забота о поддержании всеобщего мира, что соответствовало бы и национальным интересам США. В этом смысле теория «концерта держав» может рассматриваться как вариант теории полицентрического мироустройства, которую разделяют и наши государства.

Наконец, касаясь борьбы с международным терроризмом, в свете событий сентября – октября 2002 г. в ряде стран, пострадавших от террористических актов, следует сделать вывод, что контртеррористическая операция международных сил, начатая в Афганистане в 2001 г., не принесла миру успокоения. Наоборот, терроризм наращивает свои удары в разных точках планеты.

Очевидно, что нужны национальные программы борьбы с международным терроризмом, по типу той, что была создана японским премьером Куидзуми в 2001 г. Следующим этапом, вероятно, могли бы стать региональные программы по борьбе с международным терроризмом, как это попытались сделать государства – участники ШОС. Для регионов Северо-Восточной, Восточной и Южной Азии такие программы могли бы учитывать опыт подготовки систем региональной безопасности в целом. С одной только поправкой: терроризм – хорошо организованный и активно действующий – не может дать нам никакой передышки, никакого промедления, никаких многолетних переговоров по этому поводу. Государственные структуры должны быть более организованными и более активными, действовать превентивно, упреждая возможные планы и акты террористов.

Наконец, необходимо, как уже упоминалось, проведение специальной сессии ООН для выработки комплексной международной программы по борьбе с терроризмом, включающей политические, экономические, юридические, социальные и национальные аспекты этого явления. Сегодня блокируются банковские счета организаций, связанных с террористической деятельностью. Следовало бы идти дальше и создать Международный фонд борьбы с терроризмом. Думаю, что такие страны, как Россия, Китай и Индия, для которых проблемы борьбы с терроризмом не просто часть международной кампании, а насущная национальная задача, могли бы выступить на международной арене с совместными инициативами по этому поводу.

Перспективы взаимодействия в XXI столетии таких государств, как Россия, Китай и других участников ШОС, а также Индии, Монголии, Ирана – стран, исторически связанных с центром Евразии, – отнюдь не исчерпываются направлениями, затронутыми в этом предисловии. Разумеется, основу их взаимодействия должны составлять прочные экономические и научно-технические связи. Мне хотелось лишь обратить внимание читателей на опасности, которых на этом пути стало больше, чем наблюдалось столетие назад, во времена «Большой игры» в Азии и «Схватки на Крыше мира».

В.С. Мясников

Историография и источники¹⁷. Краткий обзор

Несмотря на то, что предлагаемая книга посвящена сугубо исторической теме, сама по себе проблема формирования границ на Памире (как, впрочем, и в других районах земного шара) имеет много аспектов, не потерявших актуальности в наше время. Географические исследования, картографирование и историко-этнографические работы на Памире в XIX веке проходили в условиях «Большой (или Великой) игры» главных держав (Афганистана, Китая, Британии и России), имевших геополитические интересы в этом регионе; их борьба за рынки сбыта и природные ресурсы играла существенную роль в формировании государственных границ. Сами историко-географические исследования и картографирование являлись решающими элементами создания границ на Памире, поскольку влияли на принятие решений стран-соперниц. В то же время ожесточенная борьба этих стран не могла не сказаться на методах научно-прикладных исследований, проводимых для обоснования территориальных притязаний сторон.

В царской России было издано много работ, созданных непосредственными участниками разграничения ее владений с Цинской империей – главным образом путешественниками и учеными. К этим исследованиям мы будем обращаться в процессе анализа основных источников при изложении темы. В самом конце XIX и начале XX столетия были впервые опубликованы специальные сборники договоров и соглашений России с Китаем, в частности, о проведении и исправлении границ и пограничных делах, включая материалы о переговорах России с Великобританией по разграничению с Афганистаном¹⁸.

В советское время опубликованы все официальные документы по русско-китайским отношениям периода с 1689 по 1916 г.¹⁹, а также специальный сборник официальных актов и материалов по истории международных отношений в Центральной Азии²⁰. Под редакцией академика С.Л. Тихвинского были выпущены сборники статей, посвященных историографии внешней политики России и проблемам истории международных отношений Цинской империи с окружающими ее государствами²¹.

Вопросы зарождения и становления русско-китайских дипломатических отношений, детали формирования границ двух империй с XVII до начала XX века, а также подлинные официальные акты, которыми устанавливалось прохождение этих границ на местности, детально исследованы в многочисленных трудах академика В.С. Мясникова, обобщенных в серии статей и фундаментальных монографий, завершающейся недавно опубликованной книгой «Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв.»²² Труды В.С. Мясникова базируются на громадном массиве подлинных маньчжур-

¹⁷ Имена и географические названия даны в орфографии первоисточников. – *Примеч. ред.*

¹⁸ Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. (СПб.: Изд. Министерства иностранных дел, 1889); Соглашения между Россией и Китаем о проведении и исправлении границ и пограничных делах. «Известия Министерства иностранных дел». 1914. Книга IV (Петроград, 1914); Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией, 1872–1885 (СПб.: Изд. Министерства иностранных дел, 1886).

¹⁹ Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. (М.: Изд-во восточной литературы, 1958).

²⁰ Международные отношения в Центральной Азии. Документы и материалы. Книга 1. (М.: Наука, 1989).

²¹ Тихвинский С.Л. (отв. ред.) Внешняя политика России (Историография). Сб. статей. (М.: Наука, 1977); Тихвинский С.Л. (отв. ред.) Китай и соседи в новое и новейшее время (М.: Наука, 1982).

²² Мясников В.С. Границы Китая: теоретические и историографические проблемы. Формирование границ Китая. Т. 1 (М., 1977): 12–74; Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. (М.: Наука, 1980); Мясников В.С., Шепелева Н.В. Империя Цин и Россия в XVII – начале XX в. Китай и соседи в новое и новейшее время. (М.: Наука, 1982): 34–89; Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVIII в. Изд. 2-е, испр. и доп. (Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987); Мясников В.С. Об изучении истории внешней политики России, Новая и новейшая история. №5. (1992): 3–22; Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта. Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 2 – Россия и Восток: цивилизационные отношения (М., 1995): 215–233; Мясников В.С.

ских и русских документов, многие из которых впервые выявлены автором в архивных фондах России и КНР. Значительное внимание в этих работах уделено анализу причин возникновения различных трактовок прохождения на местности отдельных участков государственной границы России и Китая, приводивших к дипломатическим (а иногда и военным) конфликтам между двумя соседними великими державами. В.С. Мясниковым разработана методика изучения истории формирования границ на базе комплексного исследования совокупности историко-географических, этноисторических, геополитических и дипломатических аспектов формирования государственных территорий двух стран и зоны, а затем и линии их контакта, т. е. государственной границы. Разработки В.С. Мясникова во многом определили наши теоретико-методологические подходы при анализе истории государственного размежевания на Памире.

Книга, посвященная современной историографии отношений царской России и Китая, опубликована А.Д. Воскресенским²³. Значительное внимание уделялось изучению народов Центральной Азии, и в ряду таких исследований важнейшее значение для нашей работы имели классические труды академика Б.Г. Гафурова, посвященные таджикам, которые, в частности, составляют большинство оседлого населения Памира²⁴. Большое справочное значение для оценки представлений китайцев о географии и народах Центральной Азии конца XVIII – начала XIX в. имеет публикация Л.Н. Гумилевым и М.Ф. Хван рукописных переводов Н.Я. Бичурина (Иакинфа) китайских источников этого периода под названием «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии», где, в частности, имеется краткая статья о Болоре (Памире) и подробное описание Синьцзяна (Новой линии)²⁵. Детальный анализ истории русско-китайских отношений в Центральной Азии проводил в своих исследованиях Б.П. Гуревич²⁶.

Современным фундаментальным исследованием подготовки и разработки последнего договора дореволюционной России с Цинским Китаем, определившего в общих чертах прохождение русско-китайской границы в Центральной Азии, является книга А.Д. Воскресенского «Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года»²⁷. В этой работе проведен детальный анализ тактики российской и китайской сторон на межгосударственных пограничных переговорах, основанный на русских и китайских документальных материалах, хранящихся в архивах, научных учреждениях и библиотеках России, КНР, США, Франции и Англии. Автором исследован весь комплекс проблем, связанных между Россией и Китаем в Центральной Азии во второй половине XIX века.

Из отечественных работ, посвященных рассматриваемой теме, необходимо выделить исследования Н.А. Халфиным внешнеполитических и экономических причин завоевания Россией центральноазиатских ханств. Результаты этих изысканий изложены в его основной монографии «Политика России в Средней Азии», где, в частности, ярко показана экономическая

Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XIX вв. (М., 1996).

²³ Воскресенский А.Д. Царская Россия и Китай в исследованиях последних лет (80—90-е годы XX в.) (М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1994).

²⁴ Гафуров Б.Г. История таджикского народа в кратком изложении. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917г. Т. 1–2, изд. 3 (М., 1955); Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история (М.: Наука, 1972).

²⁵ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии / Сост. Л.Н. Гумилев, М.Ф. Хван (Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1960): 578; 541–567.

²⁶ Гуревич Б.П. Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII в. и политика России. – История СССР. №2. (1973); Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. (М.: Наука, 1979); Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы. Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. (М.: Мысль, 1982): 423–459; Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. 2-е, дополненное изд. (М.: Наука, 1983).

²⁷ Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года (М.: Памятники исторической мысли, 1995).

обусловленность соперничества Российской и Британской империй в XIX столетии и документально доказано, что начиная с 1850-х гг. российские власти окончательно отказались от проектов завоевания британских колониальных владений в Индии. В работах Халфина введен в научный оборот значительный объем архивных и опубликованных материалов²⁸.

Ранняя история народов Памира представлена в монографии Б.А. Литвинского «Древние кочевники „Крыши мира“»²⁹, а проблемы истории памирских княжеств и их взаимоотношений с соседями детально рассмотрены в трудах таджикского историка Б.И. Искандарова³⁰. Основанные на широком использовании источников на национальных языках Памира, а также на материалах многочисленных опросов старожилов и устной традиции таджиков и киргизов, работы Искандарова убедительно показывают, что памирские земли практически непрерывно находились в состоянии феодальных междоусобиц, отдельные княжества попадали на довольно значительные периоды в разной степени номинальную зависимость от Бухары, Коканда и Бадахшана, но в то же время фактически они были независимы на протяжении большей части XIX века. В статье «Изучение Памира в связи с историей сопредельных стран во второй половине XIX в.» Б.И. Искандаров вполне объективно отражает ход вторжения пинских войск на территорию Памира в погоне за восставшими ходжами Восточного Туркестана и победу китайцев у озера Яшилькуль, не приведшую, однако, к формальному включению Памира в границы Цинского государства.

В этой же работе дано систематическое изложение развития Памирского конфликта в XIX в., причем основные его этапы (русско-британское соглашение 1872–1873 гг., вторжение афганских войск в Шугнан (Шигнан) и Рошан (Рушан) в 1883 г., проникновение китайских и афганских отрядов на Памир не без влияния Британии, действия отряда Ионов в 1891–1892 гг.) освещены на основании российских документальных источников. Недостатком работ Искандарова является то, что автор практически не использовал зарубежных архивных материалов и, так же как и другие советские историки того времени, не мог в полной мере пользоваться документами российских Генерального штаба и Министерства иностранных дел по «Памирскому вопросу», которые хранились в закрытых архивных фондах. Несмотря на эти ограничения, в его работах достаточно объективно дана история памирских княжеств и борьбы соседних государств за их земли. Благодаря этому труды Искандарова используются современными зарубежными авторами при создании исторических обзоров возникновения русско-китайских противоречий по вопросу о принадлежности памирских территорий. Одной из работ такого рода является статья Энн Шинх «Россия и Китай на Памирах: XVIII и XIX столетия»³¹, которая практически является кратким рефератом трудов таджикского историка.

В 1960–1980-х гг. было опубликовано множество работ, посвященных развитию в этот период острого пограничного конфликта между СССР и КНР. Большинство из этих публикаций, особенно выпускавшихся авторами, представлявшими конфликтующие страны, несли на себе отпечаток субъективности, вполне объяснимой актуальностью переживаемых обеими странами событий, нередко приводивших к значительным человеческим жертвам. В таких работах давались исторические обзоры зарождения разницы в трактовке прохождения русско-китайской границы на отдельных ее участках, однако в них подчеркивались лишь те

²⁸ Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е гг. XIX в.) (Ташкент, 1957); Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.) (М., 1959); Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии. (1857–1868) (М.: Изд-во восточной литературы, 1960); Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.) (М.: Наука, 1965).

²⁹ Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира» (М.: Наука, 1972).

³⁰ Искандаров Б.И. Из истории Бухарского эмирата (М., 1958); Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Часть 1 (Душанбе, 1962); Искандаров Б.И. Изучение Памира в связи с историей сопредельных стран во второй половине XIX в. – Известия АН Тад. ССР, Отделение общественных наук, №4 (46), (1966): 28–39; Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств (Душанбе: Дониш, 1983).

³¹ Sheen Ann. «Russia and China in the Pamirs: 18th and 19th Centuries». Central Asian Review. Vol. XVI, № 1 (1968): 4–14.

моменты истории формирования границы, которые могли служить для той или другой стороны аргументами в дискуссии на страницах открытой печати. В настоящей работе не ставилась задача рассмотрения развития русско-китайского пограничного конфликта в советское время, поэтому автор считает возможным не останавливаться детально на анализе дискуссионных публикаций, посвященных ходу советско-китайского пограничного конфликта в 1960–1980-х гг.³² Специальное научное исследование современных концепций русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в 1980–1990-х гг. проведено А.Д. Воскресенским³³.

В новых условиях постсоветского периода, после политического урегулирования основных пограничных споров в Центральной Азии³⁴, многие отечественные исследователи, включая и автора настоящей работы, получили возможность обнародовать основные результаты своих исследований, проводившихся в советское время и не предназначавшихся для публикации. Поэтому в данной книге мы дополнили исследования по истории формирования границ на Памире материалами, не имевшими прямого отношения к русско-китайскому пограничному спору, но которые важны в научном отношении, особенно для выявления исторических корней современной сложной ситуации в этой высокогорной стране.

Британская сторона «Большой игры» имеет значительную историографию, фундамент которой был заложен еще в XIX веке в сочинениях непосредственных ее участников. Так, например, известный государственный деятель, востоковед и географ сэр Генри Роулинсон (1810–1895) посвятил многие свои работы вопросам расширения территориальных владений Российской империи в Центральной Азии и его влияния на британскую политику. Одной из наиболее полных сводок подобного рода являлась серия его докладов о политическом и географическом положении Центральной Азии – «*Англия и Россия на Востоке*»³⁵. Здесь впервые дан детальный анализ трудов европейских путешественников, исследовавших эти районы и, в частности, Памир, в период до 1875 г.

В наше время зарубежные исследования по этой теме особенно активизировались, что в немалой степени было связано с возникновением острого советско-китайского пограничного конфликта, а затем и с войной СССР в Афганистане. Теперь зарубежные исследователи уделяют значительное внимание общей истории роста государственной территории России, превратившейся к началу XX столетия в обширнейшую континентальную колониальную империю. Усиление интереса к этой проблеме во многом связано с недавним распадом Советского Союза, вернувшим Россию практически к границам середины XVII века. Такой поворот в мно-

³² О новейшей истории советско-китайского пограничного конфликта и дискуссиях сторон см.: Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения 1945–1980, краткий очерк. 3-е изд. (М., 1980); Катица М.С. Эскалация вероломства (Политика Пекина и советско-китайские отношения) (М., 1971); Внешняя политика Советского Союза и международные отношения, сборник документов (М., 1964); Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974) (М., 1977); Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Т. 13, 14 (М., 1956; 1957); Юрков С.Г., Петров Г.П. (изд.) Внешнеполитические концепции маоизма (правовые аспекты) (М., 1975); Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе (М., 1975); Аваков М.М. Правопреемство Советского государства (М., 1961); Нарочницкая Н. «Национальный интерес России». – Международная жизнь, №3–4 (1992); Ginsburgs, George. «The End of the Sino-Russian Territorial Disputes?» The Journal of East Asian affairs. Vol. 7, №1 (1993): 261–320; Ginsburgs, George. «Recent History of the Territorial Question in Central Asia». Central Asia Monitor, №2, 3, 4 (1992–93); Ginsburgs G., Pinkle C.F. The Sino-Soviet Territorial Dispute, 1949–1964 (New York, 1978); Kruchinin A., Olgin V. Territorial Claims of Mao Tse-tung: History and Modern Times (Moscow, n. d.); Down with the New Tsars! Soviet Revisionist's Anti-China Atrocities on the Heilung and Wusuli Rivers (Beijing, 1969); Doolin D.J. Territorial Claims in the Sino-Soviet Conflict. Hoover Institution Studies, № 7 (Stanford, 1965); A Provocative Sally of Peking Authorities, Events on the Soviet-Chinese Border (Moscow, 1969); «The Disputed Area of the Pamirs». Beijing Review. Vol. 24, № 37 (1981): 21–23.

³³ Воскресенский А.Д. Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в России и Китае (80–90 гг. XX в.) (М.: Российский научный фонд, 1994).

³⁴ «China and Russia Complete Border Demarcation» OMRI Daily Digest 1, №202, October 17, 1995; Kazakhstan Signs Pact with China. International Herald Tribune (April 27, 1994): 2.

³⁵ Rawlinson Sir Henry C. England and Russia in the East: A series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia (London, 1875).

говековой истории великой державы вызывает необходимость глубокого анализа геополитики России в прошлом, ее мотиваций и обусловленности как внутренними и внешними политическими факторами, так и географическими особенностями северной части Евразии, ставшей ареной роста Российской империи. Такой анализ необходим прежде всего как основа теоретического прогноза дальнейшего геополитического развития страны и его влияния на судьбы бывших ее составных частей и окружающих государств.

Весьма удачной попыткой подобного историко-геополитического исследования является работа Джона П. ЛеДонне «*Российская империя и мир, 1700–1917: Геополитики расширения и сдерживания (1997)*»³⁶. В этой работе исследована история расширения территории России в течение имперского периода (1700–1917) и дана геополитическая интерпретация мотивов и целей этого роста, а также проанализированы политические шаги соседних государств, призванные ограничить расширение евразийской империи. Автор книги постулирует существование некой постоянной геополитической структуры, называемой им Heartland (ключевой, центральный район, имеющий определяющее значение для развития страны), в пределах которой российский центр боролся за гегемонию. В работе показано, что различные направления российской международной политики демонстрировали постоянство и упорство в достижении геополитических целей развития территории, причем автор весьма убедительно продемонстрировал громадное значение географических особенностей Евразии как арены генезиса этого процесса, во многом определявших темпы и направления его развития.

О. Эдмунд Клабб в книге «*Китай и Россия: Большая игра*», написанной исключительно на базе литературных материалов, рассматривает весьма конспективно историю формирования русско-китайской границы и наибольшее внимание уделяет развитию советско-китайского пограничного конфликта. Он совершенно не касается происхождения и истории различных трактовок прохождения границы на конкретных участках местности, а в крайне схематичном изложении дипломатической истории размежевания на Памире в XIX веке допускает даже принципиальную неточность, утверждая, что в результате переговоров британского и российского внешнеполитических ведомств в 1869–1873 гг. о разделе сфер колониального влияния в Центральной Азии (и, в частности, на Памире) не было достигнуто никакой официальной договоренности³⁷.

Более популярные, но в то же время бесспорно оригинальные исследования по истории «Большой игры» выполнены Геральдом Морганом и Питером Хопкёрком³⁸.

Ярко и содержательно написаны две книги Питера Хопкёрка, посвященные геополитическому соперничеству Британии и России на Востоке в XIX веке: «*Нарушители на „Крыше мира“. Гонка за Лхасой*», (1982) и «*„Большая игра“. На секретной службе в высокогорной Азии*» (1990)³⁹. Хотя эти работы рассчитаны на широкий круг читателей, их уровень вполне отвечает современному состоянию изученности истории «Большой игры» и судеб ее основных героев, что подтверждается, в частности, весьма обширной библиографией книг, имеющей самостоятельное значение для исследователей проблемы. Наиболее глубоко автором рассмотрены в общем контексте мировой политики военные и политические аспекты противостояния двух империй и их отражение в британском общественном мнении и публицистике. Практически вне рамок этих работ остались вопросы географического изучения и картографирования

³⁶ LeDonne John. The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment (New York, Oxford: Oxford University Press, 1997).

³⁷ Clubb Oliver Edmund. China and Russia: The Great Game (New York, London; 1971): 100.

³⁸ Morgan Gerald. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895 (London, 1981); Morgan Gerald. Ney Elias. Explorer and Envoy Extraordinary (London, 1971); Clubb Oliver Edmund. China and Russia: The Great Game (New York, London; 1971); Hopkirk Peter. The Great Game: On the Secret Service in high Asia (London, 1990).

³⁹ Hopkirk Peter. Trespassers on the Roof of the World. The Race for Lhasa (London, 1982); Hopkirk Peter. The Great Game: On the Secret Service in High Asia (London, 1990).

Памира, тем не менее констатировано большое их значение в ходе борьбы Англии с Россией за сферы влияния и земли в Центральной Азии. Хотя основными материалами П. Хопкёрка были опубликованные книги и статьи, он пользовался также британскими архивными источниками, особенно фондами Библиотеки и Архива правления Индии, Британской библиотеки, но ссылки на эти документы в его книгах отсутствуют.

Книга Геральда Моргана *«Англо-русское соперничество в Центральной Азии: 1810–1895»* (Лондон, 1981) является, по сути, детальной историей дипломатической борьбы двух империй за сферы влияния в районах, примыкающих к британским колониальным владениям в Индии. Г. Морган на базе изучения обширной литературы «Большой игры» и основных документальных источников по истории внешней политики Британии и ее индийского правительства детально анализирует роль ведущих английских политиков в формировании внешнеполитических программ Англии в отношении России в тесной связи с развитием общеевропейской ситуации и особенно соперничества двух империй в бассейне Средиземного моря, в Иране и Афганистане.

Вопросы географического изучения Центральной Азии и Памира в этой работе затронуты лишь вскользь, причем автор весьма решительно полемизирует с советскими и английскими историками в отношении оценки деятельности политических агентов Британского колониального правительства в Индии и прочих английских путешественников, а также пундитов. Он полагает неправомерным считать проводившиеся ими исследования разведывательной деятельностью⁴⁰, несмотря на то что, как мы увидим ниже, сами участники таких работ великолепно понимали конфиденциальность поручаемых им заданий и всячески скрывали их сущность, для чего прибегали к самым изощренным ухищрениям и маскировке. Одним из главных доводов Геральда Моргана является то, что по крайней мере до 1870-х гг. в Восточной Индийской компании, а затем в индийском правительстве не было специального органа, целенаправленно занимавшегося сбором разведывательной информации о районах, расположенных к северу от английских владений в Индии. Однако само по себе отсутствие специального органа не означало, что работа такого рода не велась, а вся история даже раннего этапа «Большой игры» доказывает прямо противоположное: английские и русские путешественники, местные торговцы и паломники по их заданиям, а позднее и специально обученные пундиты постоянно предоставляли политическому и военному руководству Британской Индии, с одной стороны, и Русского Туркестана, с другой, самую разнообразную информацию о районах, которые рассматривались обеими странами как зоны возможной будущей конфронтации, а состояние «холодной войны», в котором находились в то время эти страны, бесспорно, усиливало военнo-стратегическое, т. е. разведывательное, значение такой информации.

Работу пундитов Г. Морган рассматривает всего лишь как топографическую и считает, что перед ними не ставилось никаких разведывательных задач. Как мы увидим ниже, это не соответствовало действительности. Сам автор подчеркивает, что хорошие карты имеют большое военное значение, и при этом заявляет, что англичане относились излишне строго к своим подлинным картографическим материалам, не позволяя свободного их распространения, при этом он считает, что в России режимные требования в то время не были столь строгими, что также неверно. В этом отношении книга вообще не информативна, так как для автора остались неведомыми многие подлинные материалы Тригонометрической съемки Индии, в частности, характеризующие ее связи с Российским военнo-топографическим депо. Морган считает, что британская разведка мало уделяла внимания вопросам сохранения тайны, а русские этим пользовались. Конкретных доказательств автор не приводит. В работе практически оставлены в стороне деятельность пундитов и вообще географические исследования и картография.

⁴⁰ Morgan Gerald. *Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895* (London, 1981): 134–135.

Основное содержание: отражение внутренней и внешней политики Британии в борьбе с Россией в Центральной Азии.

Совершенно справедливо высоко оценивая значение работ Ния Илеяса на Памире, Морган утверждает, что его политические выводы не были якобы вначале приняты во внимание индийским правительством и лишь в 1891 г. стали основой программы английской политики на Памире, целью которой было соединение владений Китая и Афганистана где-то на территории этой горной страны. На самом деле, как будет показано далее, программа Илеяса была очень серьезно воспринята и изучена властями Индии сразу же по возвращении путешественника с Памира.

Основным и вполне оправданным выводом исследования Моргана является то, что Россия никогда не имела серьезных намерений и возможности завоевать Индию и продвигаться в Афганистан. А Британия, в свою очередь, не имела военной возможности продвижения в Центральную Азию и не получила там коммерческого влияния.

В эпилоге Джеффри Уиллера к книге Г. Моргана подчеркивается, что в российской историографии XIX века внимание уделялось географическим и историческим аспектам, а в советских работах господствовали пропагандистские мотивы. Некоторые советские историки, без сомнения, имели доступ к секретным царским архивам, но эти материалы, по убеждению Д. Уиллера, использовались ими избирательно в соответствии с текущей политикой.

Специальное исследование Геральд Морган посвятил жизни и деятельности одного из героев «Большой игры» Ния Илеяса⁴¹. В этой книге впервые дана достойная оценка географических и политико-аналитических работ этого исключительно скромного и до сих пор недостаточно известного ученого и дипломата. Монография написана с использованием очень широкого круга архивных и литературных источников, ссылки на которые, к сожалению, отсутствуют в тексте Г. Моргана. В главах, посвященных Памирским исследованиям Ния Илеяса, как и в ранее рассмотренной книге Моргана, основное внимание уделено анализу влияния на карьеру и характер деятельности Илеяса политики вице-короля Индии и Кабинета Великобритании, изменяющейся в зависимости от личностей, возглавлявших правительственные органы политиков. Следует заметить, что в этой части Г. Морган, так же как в рассмотренной ранее работе, несколько недооценивал роль материалов, полученных Нием Илеясом на Памире, в формировании решений британской стороны по «Памирскому вопросу», полагая, что эти данные вначале вообще не учитывались политиками, принимавшими решения.

Жизнь и деятельность другого «ведущего актера» «Большой игры» – Сэра Фрэнсиса Янг-хазбэнда – рассмотрены в трудах Патрика Фрэнча, Джорджа Сивера, П. Мехра и Питера Флеминга⁴².

Наиболее современным и фундаментальным исследованием геополитических и дипломатических аспектов истории российско-китайского пограничного конфликта является изданная в 1996г. работа профессора С.К.М. Пэйна «*Имперские соперники: Китай, Россия и их спорная граница*»⁴³. Это одно из первых зарубежных исследований, в котором по-настоящему глубоко использованы российские и китайские архивные документы. Благодаря серьезным переменам в России и Китае за последние годы американский исследователь смог провести многие месяцы в архивах и библиотеках КНР и России и использовать материалы, которые до недавнего времени были практически недоступны иностранным ученым. Работая в течение трех месяцев в Архиве внешней политики Российской империи в Москве, С.К.М. Пэйн также

⁴¹ Morgan Gerald. Ney Elias: Explorer and Envoy Extraordinary in High Asia (London: George Allen & Unwin Ltd, 1971).

⁴² French Patrick. Younghusband: The Last Great Imperial Adventurer (London, 1994), переиздана в 1995 и 1997гг.; Seaver George, Francis Younghusband. K.C.S.I., K.C.I.E. 1863–1942. Explorer and Mystic (London, 1952); Mehra P. The Younghusband Expedition. An Interpretation (London, 1968); Fleming Peter. Bayonets to Lhasa (London, 1974); Fleming Peter. Bayonets to Lhasa: The First Full Account of the British Invasion of the Tibet in 1904 (London, 1986).

⁴³ Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier, 1858–1924 (New York, London: M.E. Sharpe, 1966).

смог использовать многие материалы российского Министерства иностранных дел, хотя, по его свидетельству, выдача этих источников строго регламентировалась архивными работниками и многие из документов так и остались для него недоступными (в том числе – инструкции русским дипломатам). По словам автора, в Китае доступ в архивы теперь несколько улучшился, но, так же как и в России, доступ к некоторым материалам по этой теме ограничен⁴⁴. Автор рассматривает период с момента подписания Айгуньского договора 1858 г. до образования Монгольской Народной Республики в 1924 г. «Памирский вопрос» в этой книге, однако, не рассматривается. Самостоятельную ценность представляют обзоры литературы и архивных источников, а также обширная библиография по теме.

Детальная политико-географическая характеристика русско-китайских пограничных актов, так же как и их полные тексты, приведены в фундаментальной работе Дж. Р.В. Прескотта *«Карта материковой Азии по договору»*⁴⁵. Автор совершенно справедливо подчеркивает, что власти колониальных империй, прежде всего Британии и России, создавали границы в Азии исходя из собственных эгоистичных государственных интересов. Главным критерием при этом было удобство обороны установленной границы. И лишь после того, как достигались предварительные договоренности по поводу генерального направления границы, вступали в силу экономические, этнические и исторические соображения, которые помогали делимитировать и демаркировать конкретную пограничную линию таким образом, чтобы хотя бы в общих чертах сохранить исконные социальные и политико-географические структуры коренных народов. В то же время, если такого рода соображения входили в противоречие со стратегическими интересами колониальных держав, диктовавших новые границы местному населению, геополитические резоны всегда «побеждали» стремление к сохранению каких бы то ни было исторических, этнических или государственных границ⁴⁶.

Детальная история формирования границ китайского государства изложена в труде Люк Т. Чаня *«Китайские пограничные договоры и пограничные диспуты»*⁴⁷. Значительное внимание в этой работе уделено советско-китайскому пограничному конфликту, в связи с чем автор не только приводит тексты официальных договоров, определяющих границы между двумя государствами, но публикует также современную официальную дипломатическую переписку, посвященную отдельным спорным участкам, и в том числе Памиру. В работе четко показано, что до принятия какого-либо политического решения граница на Памире между Россией (СНГ) и Китаем в районе южнее перевала Уз-бель не может считаться окончательно установленной. Главным доводом китайской стороны в споре по «Памирскому вопросу» остается «оговорка Мединского», но при этом вспоминаются также «исторические права» Китая на эти земли.

В специальной статье Джона У. Гарвера, посвященной советско-китайскому территориальному спору в Памирском горном районе, делается практически аналогичный вывод⁴⁸. Автор дает беглый, но вполне объективный обзор истории вопроса, основанный главным образом на работах Олдера и Клабба. Дж. Гарвер совершенно справедливо подчеркивает, что вторжения китайских войск на Памир в VII–VIII и XVIII веках не приводили к постоянной оккупации этой горной страны. Автор справедливо указывает на роль Великобритании в последующих попытках цинских властей завладеть частью памирских земель. Обращаясь к современному состоянию проблемы, Дж. Гарвер констатирует, что основным доводом китайских властей теперь

⁴⁴ Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier, 1858–1924 (New York, London: M.E. Sharpe, 1966): 367.

⁴⁵ Prescott J.R.V. Map of Mainland Asia by Treaty (Melbourne: Melbourne University Press, 1975).

⁴⁶ Prescott J.R.V. Map of Mainland Asia by Treaty (Melbourne: Melbourne University Press, 1975): 515.

⁴⁷ Chang Luke T. China's Boundary Treaties and the Frontier Disputes (London: Oceana Publications, 1982).

⁴⁸ Garver John W. The Sino-Soviet Territorial Dispute in the Pamir Mountains Region. The China Quarterly. Issue № 85 (1981): 107–118.

являются не какие бы то ни было «исторические права» Китая на памирские земли, а ссылка на неопределенную формулировку («оговорку Мединского») прохождения границы к югу от перевала Уз-бель в Новомаргеланском протоколе 1884 г., где сказано, что граница Китая от этого перевала идет строго на юг, а России – на юго-запад.

Хорошим обзором истории русско-китайских отношений является также работа Р.К.И. Квистед *«Русско-китайские отношения. Краткая история»*⁴⁹.

Традиционные представления китайцев о государственных границах в Центральной Азии изучены в работе Оувена Латтимора *«Внутренние азиатские границы Китая»*⁵⁰.

Из работ, непосредственно посвященных «Памирскому вопросу», следует выделить фундаментальные труды Карри Олдера, глубоко и критически использовавшего подлинные материалы британских архивов и библиотек⁵¹, а также солидное исследование Дерека Уоллера по истории деятельности Большой тригонометрической съемки Индии за границами британских колониальных владений, где особое внимание уделено работам местных (мусульманских) топографов и разведчиков (пундитов), обученных англичанами и проводивших обширные исследования на Памире и в примыкающих к нему странах Центральной Азии⁵².

Завершая наш обзор, следует отметить, что наибольшее количество трудов зарубежных авторов посвящено британским географическим исследованиям, связанным с решением «Памирского вопроса», зависимости геополитической тактики и стратегии лондонского правительства и вице-короля Индии в Центральной Азии от расстановки основных внутривосточных сил Британии. Значительно меньшее внимание в них уделено детальному анализу отношений российской и китайской сторон в «Большой игре». Объясняется это вполне очевидной причиной: для иностранных исследователей внешнеполитические фонды архивов этих двух стран были практически недоступны. Ученые из России и республик Центральной Азии до недавнего времени также имели весьма ограниченный доступ к таким материалам, что, как отмечалось выше, не могло не сказаться на содержании даже тех немногих публикаций по истории геополитического противостояния в Центральной Азии, которые появлялись в советское время.

На автора настоящей работы ограничения подобного рода не распространялись, поэтому он имел уникальную возможность практически исчерпывающе изучить все материалы по теме, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном военно-историческом архиве (Москва), Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), Историческом архиве Казахстана (Алма-Ата), Узбекском национальном историческом архиве (Ташкент), в областных архивах Сибири и Алтая, а также в отделах рукописей Российской Государственной библиотеки (Москва) и Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Наиболее важными для нашего исследования были, конечно, документы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, причем автору посчастливилось не только детально изучить российские материалы этого хранилища, но участвовать также в научном описании микрофотокопий материалов дипломатического архива XIX века вице-короля Индии, подаренных правительством Индиры Ганди советскому правительству и хранящихся сейчас в этом архиве. Это дало возможность впервые познакомиться с британскими документами «Большой игры», детальное изучение которых было про-

⁴⁹ *Quested R.K.I. Sino-Russian Relations: A Short History* (Sydney: George Allen & Unwin, 1984).

⁵⁰ *Lattimore Owen. Inner Asian Frontiers of China*, American Geographical Society. Research Series № 21 (New: American Geographical Society, 1940).

⁵¹ *Alder Carry J. British India's northern frontier, 1865–1985. A study in imperial policy*. [Imperial Studies], (London: Longmans Green, 1963); *Alder Carry J. «Britain and the defence of India – the origins of the problem, 1798–1815»*. *Journal of Asian History*, 6/1, (1972): 14–44; *Alder Carry J. Beyond Bokhara. The Life of William Moorcroft* (London, 1985); *Alder L., Dalby R. The Dervish of Windsor Castle. The Life of Arminius Vambery* (London, 1979).

⁵² *Waller Derek. The Pundits: British Exploration of Tibet and Central Asia* (Lexington, Kentucky, 1990).

должно автором в Библиотеке и Архиве правления Индии, а также Департаменте восточных рукописей и книг Британской библиотеки в Лондоне во время двух командировок по грантам, любезно предоставленным Британской академией. Помимо этого, изучались материалы Национальной библиотеки в Париже, Военного архива Швеции и Шведской Королевской библиотеки, документальные источники, хранящиеся в польских и финских архивах и библиотеках.

Таким образом, мы смогли исследовать как российские конфиденциальные доклады, отчеты, переписку и карты, так и корреспонденцию центрального и индийского правительств Британии и соответствующих внешнеполитических ведомств, отчеты пундитов, сообщения Департамента разведки Службы генерала-квартирмейстера индийской армии, официальные отчеты Памирской пограничной комиссии, материалы, отражавшие «Большую игру» в литературе и картографии ряда европейских стран, и другие подлинные документы по теме.

На базе всех этих исследований автор создал предлагаемую работу, основной целью которой является анализ истории географического изучения и картографирования Памира, проводившихся в условиях борьбы («Большой игры») Великобритании, России, Афганистана и Китая за господство в этом регионе, борьбы, которая была существенным элементом в процессе формирования границ.

Несмотря на обширную историографию «Большой игры», сопряженное изучение ее историко-научных и историко-дипломатических аспектов до настоящего времени не проводилось, и автор надеется, что выполненное им исследование будет способствовать более глубокому пониманию как особенностей развития отдельных методов географии и картографии в условиях острой геополитической конфронтации на Памире, так и деталей самой дипломатической борьбы, завершившейся разделом этой высокогорной страны между Британской и Российской империями. При рассмотрении установления границы между Россией и Цинской империей на северо-восточном Памире, там, где ее прохождение на местности определено Новомаргеланским протоколом 1884 г., автор уделит значительное внимание тем участкам линии границы, на которых недостаточная изученность местности во время подписания протокола привела впоследствии к противоречиям между российской и китайской трактовками ее прохождения.

В связи с тем, что многие использованные в работе источники представляют значительный самостоятельный интерес и впервые вводятся в научный оборот, автор счел необходимым привести обширные их фрагменты или полные тексты.

Изучение подлинных текстовых и картографических материалов по теме не могло быть выполнено без всесторонней поддержки и помощи со стороны библиотечных и архивных сотрудников. Автор глубоко признателен работникам российских и центральноазиатских архивов и особенно Архива истории внешней политики Российской империи в Москве и его ведущему научному сотруднику к.и.н. С.И. Повальникову, с которым его связывали долгие годы дружбы и совместных исследований. Среди многих зарубежных архивов и библиотек наибольшее значение имели фонды Британской библиотеки, где активная помощь автору была оказана, в частности, заведующими Картографической библиотекой Эллен Уоллис и Тони Кэмпбеллом, а также хранителем Картографических фондов Библиотеки и Архива правления Индии Эндрю Куком. За помощь при использовании громадных фондов Британского государственного архива (Public Record Office) автор благодарен директору (хранителю) этого архива госпоже Сэре Тайаке. Оформление работы в виде законченного текста монографии стало возможным благодаря предоставлению автору десятимесячной ставки гостя-исследователя в Славянском исследовательском центре Хоккайдского университета (1998–1999 гг.).

В течение многих лет руководителем исследований, результаты которых изложены в монографии, был академик В.С. Мясников. Без его добрых советов, постоянной поддержки и окончательной редакции текста создание этой книги было бы невозможно.

Глава 1

Сведения о географии Памира до середины XIX века.

Первые опыты картографического изображения

Современные представления о природе и населении Памира

Памирский горный узел – это грандиозное орогенное поднятие, являющееся центром нескольких южно- и центральноазиатских хребтов, включающих хребты Гиндукуш и Каракорум, а также горы Куэньлунь и Тянь-Шань. Большая часть этой горной страны расположена в пределах Таджикистана, но отдельные его районы принадлежат Афганистану, Пакистану, Китаю и Кыргызстану. Высокогорья Таджикистана с высочайшими вершинами в Горно-Бадахшанской автономной области составляют ядро Памира.

Слово «памир» на местном тюркском диалекте означает высокогорные холмистые степи, типичные для восточной части гор, особенно в районах, примыкающих к Афганистану и Китаю. Существовали также несколько иные трактовки происхождения географического названия этой горной страны, с которыми мы познакомимся далее. Речные долины образуют естественные границы Памира севернее Заалайского хребта и в Ваханском районе (Ваханском коридоре) Афганистана, определяющем его южные пределы. Памир-Сарыкол Уйгурского автономного района Синьцзяна в Китае окаймляет восточную окраину этой горной страны, а западная часть бассейна рек Вахша и Пянджа представляет собой ее южную границу.

В морфоструктуре Памирской горной страны сочетаются меридиональные и широтные хребты с преобладанием меридиональных. Протягивающийся с запада на восток Заалайский хребет, который образует северное обрамление Памира, круто спускается в межгорную Алайскую долину. Высокогорная часть этого хребта, между перевалами Терсагар на западе и Кызыларт на востоке, имеет средние высоты от 5800 до 6100 метров и высочайшую вершину – пик Ленина – 7134 м. К югу от Заалайского хребта протягиваются три хребта субмеридиональной ориентации, из которых западный – хребет Академии Наук и центральный – Зулумарт относительно короткие, а восточный – Сарыкольский хребет является восточной границей Памира. Хребет Академии Наук сливается с горной системой северо-западного Памира, где он вздымается громадным барьером, достигая в пике Коммунизма высшей точки Памира – 7495 м. С восточного склона хребта Академии Наук по его южной стороне спускается ледник Федченко. Западный склон пересекается с другими хребтами, расположенными далее на запад: хребет Петра I с пиком Москвы (6784 м); Дарвазский хребет с пиком Арнавад (6083 м); хребты Ванчский и Язгулемский с пиком Революции (6974 м). Эти хребты разделяют глубокие ущелья. К востоку от Язгулемского хребта, в центральной части Памира, расположен широтный хребет Музкол, достигающий высоты 6233 м в пике Советских офицеров. К югу от него протягивается один из крупнейших хребтов Памира, носящий название Рушан на западе и Базар-дара, или Северный Аличур, – на востоке. Еще южнее расположен Южный Аличурский хребет, а к западу от него – Шугнаньский хребет. Крайний юго-запад Памира занят Шахдаринским хребтом, состоящим из меридиональных (Ишкашимский хребет) и широтных элементов, включающих пик Маяковского (6095 м) и пик Карла Маркса (6726 м). На юго-восточной окраине, южнее озера Зоркуль (Сары-Куль), расположен меридиональный Ваханский хребет.

Памир принято разделять на западную и восточную части. По природным условиям Восточный Памир представляет собой высоко поднятое нагорье с резко континентальным кли-

матом и преимущественно пустынной растительностью. При средней высоте над уровнем моря 6100 м и более относительное превышение пиков над их фундаментом в большинстве случаев не более 1200–1800 м. Хребты и массивы имеют в основном округлые очертания, а широкие с плоским дном долины между ними, расположенные на абсолютных высотах от 3700 до 4200 метров, заняты либо меандрирующими реками с медленным течением, либо сухими руслами и бессточными котловинами. Долины и склоны хребтов покрыты слоями рыхлого осадочного материала (главным образом морена, делювий, пролювий и аллювий). Область распространения рельефа восточно-памирского типа ограничена на востоке Сарыкольским хребтом с высотами до 5909 м. В северной части Восточного Памира располагается обширная котловина озера Каракуль, окаймленная с юга хребтом Музкол. Восточнее хребта Музкол лежит котловина, занятая озерами Рангкуль и Шоркуль. Юго-западная часть Восточного Памира пересечена параллельными широтными хребтами Северо- и Южно-Аличурским и восточной частью Венского хребта, достигающего в пике Снежная Глыба высоты 6504 м. На Западном Памире преобладает высокогорный резко расчлененный рельеф с чередованием альпийских хребтов, покрытых снегом и ледниками, расчлененных глубокими узкими ущельями с быстрыми реками, и относительно невысоких горных цепей. Параллельные хребты вытянуты с северо-востока на юго-запад, а их гребни возвышаются над днищами долин на две-три тысячи и более метров (пик Революции поднимается над долиной Бартанга на 4200 м). Вблизи водоразделов местами сохраняются пологие формы рельефа. Глубокие долины (на высоте 1800–3000 м) имеют вид узких ущелий с крутыми скалистыми склонами. К днищам долин и нижней части склонов приурочены моренные отложения древних ледников, имеющие более ограниченное, по сравнению с Восточным Памиром, распространение. Встречаются древние ледниковые формы рельефа (троговые долины, бараньи лбы, моренные террасы оседания и т. п.). Долины и понижения заполнены грубым щебнисто-галечниковым материалом, так что практически единственными годными для поселений местами являются аллювиальные конусы выноса в долинах притоков реки Пяндж. Переход от восточно-памирского к западно-памирскому типу рельефа постепенен. Долины по мере продвижения на запад углубляются, водоразделы утрачивают среднегорные черты. За условную геоморфологическую границу принимается линия, соединяющая меридиональный хребет Зулумарт с перевалом Карабулак в хребте Музкол; от перевала Псарт она идет по горной цепи к Северному Аличурскому хребту и озерам Яшилькуль и Сарез, где она поворачивает на юг в долину Памирской реки. Как мы увидим далее, описанные особенности строения рельефа Памира играли весьма существенную роль в формировании государственных территорий и границ в этой высокогорной стране.

Подобно примыкающим с юга горам Гиндукуш и Каракорум, Памир в результате обильных зимних снегопадов обладает значительным оледенением. Ледник Федченко доминирует в массиве центрального Памира, причем основными его притоками являются ледники, также названные в честь российских исследователей XIX века (например, Гармо и Грумм-Гржимайло). Оледенение менее интенсивно на Алае и Заалайском хребте. Большая часть рек Памира относится к бассейну Амударьи (древней реки Оке или Оксус) и Аральского моря. Крупнейшая река – Пяндж, принимающая справа притоки Гунт с р. Шахдара, Бартанг (в верховье носит название Оксу /Аксу/, в среднем течении – Мургаб), Язгулем и Ванч. На северо-западе Памира находятся верхние части бассейнов рек Обихингоу и Муксу, образующиеся из слияния вод ледника Федченко и рек Баяндкиик и Саукдара. Муксу и Обихингоу принадлежат к бассейну реки Вахш, которая, сливаясь с Пянджем, образует Амударью. Незначительное количество рек принадлежит внутренним (бессточным) бассейнам Памира (Караджилга, Музкол и др.), и только три реки – Маркансу, Гёздарья и Ташкуртан (бассейн реки Яркенд) – несут свои воды в Таримскую впадину. Реки Восточного и Западного Памира имеют различный характер. В пределах Восточного Памира течение их медленное, они меандрируют и разбиваются на рукава, протекают заболоченными долинами. С приближением к Западному Памиру

реки врезаются в днища долин, становятся типично горными, порожистыми, с бурным течением.

Памир имеет континентальный, аридный климат, для которого типична суровая зима и теплое, относительно сухое лето. В западных долинах в летнее время обычны сильные бури, во многих случаях связанные с так называемыми афганскими ветрами, которые формируются в северо-западном Афганистане и приносят летние пылевые бури и последующие дожди на западные склоны. В западных долинах значительны также снегопады в период с ноября по апрель месяц. Вегетационный период продолжается 200 дней в деревне Сангвор, достигая 230 дней в глубокой долине Пянджа в Хоробе и Калай-Хумбе.

Температуры изменяются в пределах от летних максимальных дневных в $+23^{\circ}\text{C}$ до минимальных зимних в -17° в Мургабе на восточном высокогорном Памире и от $+27^{\circ}$ летом и до -6° зимой в Гарме на Западном Памире; в отдельных точках Восточного Памира зарегистрированы рекордно низкие температуры, достигающие -50°C зимой.

Восточный Памир по характеру растительности представляет собой высокогорную пустыню, на которой заболоченные понижения перемежаются со степными участками на холмах. Деревьев здесь нет; господствуют низкорослые растения с сильно разреженными надземными частями, приспособившиеся к суровым условиям местности. Наиболее густой растительный покров имеют увлажненные днища долин и котловин, где распространены сырые кочковатые луга – сазы. Обычными растениями саз являются различные осоки, кобрезии, злаки и др. Луговые массивы – лучшие кормовые угодья Восточного Памира. На сухих шлейфах и склонах гор развиты: приземистый кустарник терескен – единственное растительное топливо Восточного Памира, растения-подушки, например остролодка, акантолимон, астрагал, местные виды полыни, волоснец пушистоколосый, формации разнотравных степей. На более увлажненных склонах встречаются луговые формации. Значительно богаче растительность Западного Памира. На фоне пустынных и полупустынных ландшафтов, развитых на дне долин и по склонам гор (до высоты 2500–2600 м), пятнами распространена древесно-кустарниковая растительность, представленная, в частности, зарослями можжевельника. Вдоль русел рек тянутся густые заросли (тугаи) из ивы, облепихи, березы, тополя, боярышника, перевитые ползучими растениями (клематис, аспарагус). На конусах выноса и террасах, в зависимости от их увлажнения, располагаются заросли тугайного типа или небольшие рощи берез, тополей и древесно-кустарниковых растений ксерофитного типа: барбарис, алыча и др. На орошенных землях – культурная растительность: виноград, абрикос, яблоня, грецкий орех, шелковица; фоновыми растениями являются полыни и саксаульник. Выше 2500 м пояс полупустынной растительности уступает место эфемероидному высокотравью и редкотравным степям. До высоты 3200 м встречаются юган, камоль, скабиоза, типчак и ковыль. На склонах и осыпях развиты нагорные ксерофиты: астрагалы, акантолимон и др. Пояс высот от 3200 до 4000 м получает наибольшее количество осадков. Здесь луга, покрытые тараном бухарским, геранью, полынью, используются для сезонного выпаса скота. Древесно-кустарниковая растительность встречается до высот 3800 м. С 4000–4200 м появляется нивальная растительность.

Фауна Памира сравнительно бедна. Для Западного Памира характерны горный козел (киик), бурый медведь, волк, лисица, снежный барс, рысь, ласка, каменная куница, заяц-толай, соня, летучая мышь. Из птиц – индийская иволга, синяя птица, темнобрюхий улар, каменная куропатка, сорокопут, райская мухоловка и др.

Высокогорные плоскогорья Восточного Памира являются главным районом распространения горного барана (архара). Типичны здесь также сурок длиннохвостый, пищуха большешулая; зафиксированы отдельные случаи наблюдения голубой овцы и уриала (urial). Из птиц распространены рогатый жаворонок, тибетская горная индейка, снежный гриф, бородач, индийский гусь и др. Большое количество водоплавающих птиц посещает Восточный Памир при перелетах из Сибири в Южную Азию.

Памир принадлежит к слабонаселенным районам земного шара. В его восточной части живут тюркоязычные киргизы, в западных долинах – горные таджики и другие народности таджикской группы. Горные таджики являются мусульманами-шиитами – исмаилитами, которые прежде говорили на вакхи – языке, родственном тому, который употреблялся в Ваханском и Бадахшанском районах Афганистана, в самых северных частях областей Пакистана Читраль и Гильгит и в Сарыкольском районе Западного Китая. В настоящее время они говорят на особых языках, относящихся к числу восточноиранских, и почти все также используют персидский диалект, обычный для равнинных народностей Таджикистана и Афганистана, которые в большинстве являются мусульманами-суннитами. Из обитателей восточных районов три пятых кочует в ходе сезонной смены пастбищ. Остальные обитатели Памира – оседлые земледельцы и скотоводы. Высокогорное скотоводство в Восточном Памире специализируется на яках, овцах и козах. Ячмень, картофель, бобовые и корнеплоды являются основными продуктами земледелия этих районов. В долинах Западного Памира выращивают хлопчатник, пшеницу и кукурузу; большие фруктовые сады (яблоки, груши и абрикосы) распространены до высот около 2000м⁵³.

⁵³ Pamirs, Britannica Online; <<http://www.eb.com:180/cgi-bin/g? DocF=micro/300/88.html>> [Accessed 25 August 1998]; Памир, БСЭ, 2-е изд. Т. 31; *Искандаров Б.И.* Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств (Душанбе: Дониш, 1983): 39–41; См. также: *Марков К.К.* Геоморфологический очерк Памира. Труды Института физической географии АН СССР. Вып. 17 (М., 1935); *Калесник С.В.* (ред.) Памир. Северный Памир и ледник Федченко (Л., 1936); *Баранов Л.А.* Памир и его земледельческое освоение (М., 1940); *Иванов В.Н.* Почвенные условия Памира и пути развития земледелия ([Сталинабад], 1948); *Стацюкович К.В.* Растительный покров Восточного Памира (М., 1949); *Гинзбург В.В.* Горные таджики (М., 1937); *Пахалица Т.Н.* Памирские языки (М.: Наука, 1969); *Додихудоев Х.* Очерки философии исмаилизма (Душанбе: Дониш, 1976), История исмаилизма. По таджикской рукописи издал, предисловием и примечанием снабдил А.А. Семенов (М., 1959); N.S. Ginzburg. A Microgeography of Settlement in the Pamir Highlands. Soviet Geography, 27(6): 398–434 (1986); Isidor Levin (ed.), Märchen vom Dach der Welt (1986).

Географические исследования и начало формирования границ

Границы между территориями обитания различных групп людей являются ровесниками первых человеческих сообществ, объединенных способами добывания средств к существованию и различного рода семейными, родовыми или более высокого уровня связями. Такие естественные препятствия для расширения территорий обитания, как моря, озера, реки и высокие горы, были наиболее очевидными и постоянными географическими пределами, которые во времена роста древних цивилизаций становились готовыми государственными границами. Некоторые элементы ландшафта были также удобными ориентирами для обозначения прохождения границы на местности. Возможно, впервые описание границ государств, отнесенных к географическим объектам, встречается в Ветхом Завете.

И сказал Господь Моисею, говоря, 2. Дай повеление сынам Израилевым и скажи им: когда войдете в землю Ханаанскую, то вот земля, которая достанется вам в удел, земля Ханаанская с ее границами: 3. Южная сторона будет у вас от пустыни Син, подле Едома, и пойдет у вас южная граница от конца Соленого моря с востока, 4. И направится граница на юг к возвышенности Акравима и пойдет через Син, и будут выступы ее на юг к Кадес-Варни, оттуда пойдет к Гацар-Аддару и пройдет через Ацмон; 5. От Ацмона направится граница к потоку Египетскому, и будут выступы ее к морю; 6. А границею западную будет у вас великое море: это будет у вас граница к западу; 7. К северу же будет у вас граница: от великого моря проведите ее к горе Ор, 8. От горы Ор проведите к Емафу, и будут выступы границы к Цедаду; 9. Оттуда пойдет граница к Цифрону, и выступы ее будут к Гацан-Енану: это будет у вас граница северная; 10. Границу восточную проведите себе от Гацар-Енана к Шефаму, 11. От Шефама пойдет граница к Рибле, с восточной стороны Аина, потом пойдет граница и коснется берегов моря Киннерет с восточной стороны; 12. И пойдет граница к Иордану, и будут выступы ее к Соленому морю. Это будет земля ваша по границам ее со всех сторон⁵⁴.

Некоторые элементы ландшафта, например упомянутая в таком качестве в Ветхом Завете река Иордан, становились для окружающих народов границами, географическими осями или своего рода пограничными зонами на многие грядущие столетия. Памирская горная система являлась одним из таких районов.

В 1893г. заместитель генерал-квартирмейстера британских вооруженных сил в Индии полковник разведки И.Р. Эллис дал вполне обоснованное описание географических границ Памира (по русским источникам) и выдвинул следующую гипотезу о происхождении его названия: «Происхождение и значение слова „Памир“ никогда не были удовлетворительно объяснены. Пожалуй, наименее фантастическим толкованием является Па-и-Мир, или Крыша мира,— великая легендарная священная гора древних индусов, обитель богов и традиционная колыбель арийской расы. Иванов [геолог Иванов — участник русской Большой Памирской экспедиции 1883г. — А.П.] определяет Памир как территорию между Алаем на севере, Кашгарией на востоке, Ваханом на юге и Шигнаном на западе. Это определение хотя и широкое, но вполне точное»⁵⁵. Нетрудно заметить, что приведенное определение близко соответствует рассмотренным нами выше современным представлениям о географических границах Памирской горной страны. Мнение полковника Эллиса по поводу происхождения названия Памира разделял

⁵⁴ См.: Библия, Ветхий Завет. Числа, 24: 2—12 / Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Библийские общества, 1995. С. 165.

⁵⁵ British Library, India Office Library and Records (IOLR), MSS EUR. F 111/329; E.R. Elles, Colonel. Assistant Quarter master General, Intelligence Branch. Routs from Russian Territory in Central Asia towards Afghanistan and India. Section 1. The Pamir Line of Advance... (Simla: Printed at the Governmental printing office, 1893): 19–20.

также известный русский востоковед И. Минаев, который отмечал в 1879г., что, *по древней индийской космографии, Меру – мифическая гора, находящаяся будто бы в центре Земли* ⁵⁶.

По меньшей мере на ранних этапах своей истории памирские народы были более тесно связаны с народами Центральной Азии и Восточного Туркестана, нежели с Афганистаном и Индией. Одной из причин этого были громадные горные хребты, затруднявшие контакты на южной и западной границах. Так, говоря о происхождении Шигнана, британский дипломат Ний Илеяс рассказывает следующее: «Потомки шигнанских миров (эмиров) восходят к некоему Шах-и-Хамошу, дервишу и саиду Бухары [подчеркнуто нами. – А.П.], который, будучи миром (мусульманским подвижником, „святым“), по-видимому, сначала обратил этот народ в суннитский ислам, а затем стал их миром... Возможно, это произошло приблизительно в то же время, что и обращение бадахшанцев, т.е. в начале седьмого века» ⁵⁷. Все европейские исследователи и политики подчеркивали отсутствие религиозного фанатизма и воинственности как у кочевников-киргизов, так и у оседлых таджиков Памира. Тот же Ний Илеяс подчеркивает: «Нигде в Азии невозможно найти более миролюбивого, безобидного и приятного народа, чем эти таджики с верхнего течения Окса [Амударьи]...» ⁵⁸ В то же время русские исследователи отмечали исключительную выносливость, трудолюбие и терпение памирских народов ⁵⁹

⁵⁶ Минаев И. Сведения о странах по верховьям Амударьи (СПб., 1879).

⁵⁷ IOLR, MSS Eur. F 111/329; 29.

⁵⁸ IOLR, MSS Eur. F 111/329; IOLR, MSS Eur. F 111/690. The Military Geography of Afghanistan. Part I. Badakhshan. P. 9.

⁵⁹ См., например: Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам (М., 1908): 48; Иванов Д. Шугнан. Афганские очерки. – «Вестник Европы», № 7 (СПб., 1885): 48.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.